

2. «List of Promising on Teacher Ready!» A Flying Start: Improving Initial Teacher Preparation Systems.– Paris: OECD Publishing, 2019. – 162 с.

3. Учебная программа «Компетентностный подход в обучении истории и обществоведения»//БГПУ им. М. Танка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/44129>. Дата доступа: 29.10.2022.

4. Учебная программа «Методика преподавания истории»//БГПУ им. М. Танка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bspu.by/handle/doc/44132>. – Дата доступа: 29.12.2022.

5. Ulferts, H., Teaching as a Knowledge Profession Studying Pedagogical Knowledge across Education Systems, Educational Research and Innovation. – Paris: OECD Publishing, 2021. – 165 p.

6. High-achieving Students?: What Schools and Teachers Can Do, TALIS. – Paris: OECD Publishing, 2021. – 279 p.

УДК [94:930.2](430)

«БИЛЕФЕЛЬДСКАЯ ШКОЛА» СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О.Г. Субботин,

доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
и методики преподавания БГПУ
Беларусь, г. Минск

Аннотация: На 1970-е – первую половину 1980-х гг. пришелся расцвет «билефельдской школы» социальной истории, одного из символов обновления исторической науки в ФРГ. С ее деятельностью ассоциируется смена парадигмы: внедрение новых методологических подходов, усиление теоретической основы исследований и расширение их перспективы.

Ключевые слова: социальная история, «билефельдская школа», западногерманская историография, методология исторического исследования, теория истории, Г.-У. Велер, Ю. Кокка.

Annotation: The 1970s and the first half of the 1980s were the heyday of the "Bielefeld school" of social history, one of the symbols of the renewal of historical science in Germany. Her activity is associated with a paradigm shift: the introduction of new methodological approaches, strengthening the theoretical basis of research and expanding their prospects.

Key words: social history, "the Bielefeld school", West German historiography, methodology of historical research, theory of history, H.-U. Wehler, J. Kocka.

«Билефельдская школа» (далее – БШ) относится к числу наиболее авторитетных течений западногерманской социальной истории. Своей известности в стране и влияния за рубежом она, оставаясь с 1971 по 1990 г. вполне гомогенным научным сообществом, но при этом довольно спорным явлением, добилась во многом благодаря способности «обострять» и дерзкой, порой «воинственной, манере» академического общения [1, S. 14–18]. Критерием принадлежности к БШ был отчетливый крен влево ее участников по сравнению с «поколением учителей», олицетворявших собой все еще влиятельное (национал-)консервативное направление. Это касается не только историков, преподававших в Билефельдском

университете и стоявших у истоков БШ⁶ – Г.-У. Велера, Ю. Кокки, Р. Козеллека, С. Полларда, Г.-Ю. Пуле, но также их учеников и последователей. Многих «билефельдцев» связывал между собой рефлексивный опыт поколения, пережившего ужасы войны и травмы эмиграции, а также знакомство с академической культурой и обществом США в форме академических обменов и стажировок.

Ключевую роль в продвижении идей БШ сыграли обширная сеть научных связей ее представителей, эффективно используемых для реализации собственных социально-исторических проектов, а также опыт участия в работе влиятельных институций и дискуссионных форумов, важнейшим из которых был журнал «История и общество», основанный Г.-У. Велером и его коллегами в 1975 г.

Еще в 1960-е гг. историческая наука Федеративной Республики начала обретать новое качество, выражением которого явилось ее социально-критическое направление⁷. На первый план выдвинулось «общее представление о том, что необходима связь между индивидуализирующим герменевтическим методом и системным анализом социальных структур и процессов, между повествовательным нарративом и объяснением» [2, с. 151]. Разумеется, многое сохранилось от парадигмы прежних поколений, но изменения в целом были значительными. Поколение историков, состоявших в профессии после 1945 г., желало «изменить не только содержание и методы исторической науки», но и в принципе учредить «новый научный стиль», основанный на «частых дискуссиях и равном дискурсе» [3, с. 69]. Своей задачей «билефельдцы» ставили обогащение и расширение предмета социальной истории, предпочитали говорить об истории общества, «включающей в себя политику, экономику, позднее – культуру», или об «исторической социальной науке» [4]. Ученые задавались вопросом о природе немецкой политической культуры, ее авторитарном бремени, рассуждали о поздней парламентаризации Германии, об утраченных возможностях в годы Веймарской республики, о проблемах социальной дифференциации и социальных протестов, об архаичности элит, урбанизации, отношении религии и общества, индустриализации и модернизации, о месте и роли исторической науки в годы национал-социализма и многом другом, что придавало дебатам высокую степень актуальности.

Характерными чертами научных трудов школы стали междисциплинарность и акцент на вопросах теории и методов. В то время как «старое» поколение ученых пыталось оживить историзм, который демонстрировал, по словам Ю. Кокки, все больше «слепых зон», молодое занималось поиском «по ту сторону историзма», что выразилось в острокритическом подходе к изучению событий прошлого [5, S. 20]. В противовес традиционному историзму БШ подчеркивала важность социоструктурных явлений, определяя роль личности как социально обусловленную. В результате политическая история утратила в ФРГ ведущие позиции, а социальная сумела подняться до уровня специальной дисциплины. Да и в целом историческая наука стала более аналитической и рефлексивной, открылась смежным наукам, главным образом общественным (социологии, политологии, экономике), сохраняя при этом свою идентичность. Ученые старались оперировать четкими понятиями, категориями и моделями, экспериментировали с компаративистикой [5, S. 23–24; 6, S. 13]. Весомую роль в таком подходе сыграло влияние французской (школа Анналов), англосаксонской и скандинавской историографий, у представителей которых «билефельдцы» черпали вдохновение и теоретико-методологические импульсы.

⁶ См. интервью с Г.-У. Велером: <https://www.youtube.com/watch?v=ESwanMtnEWo&t=2s>.

⁷ Благоприятной средой для этого стали Свободный университет Берлина и «реформистские университеты» Билефельда, Бохума, Констанца.

Очевидно, что прежняя парадигма с фиксацией на индивидуалистическом принципе и герменевтическом понимании смысла стала для западногерманских ученых оковами. Поэтому в 1950-е гг. в республике предпринимались попытки новой ориентации в русле структурного анализа, но лишь в 1960-е – 1970-е гг. взгляд на события прошлого получил по-настоящему критическую перспективу: был расширен предмет истории, внедрены новые исследовательские методы. Обыденным стал синтез социально-экономической и политической истории. На этом фоне БШ анонсировала амбициозную программу, намереваясь объяснить беспримерный в немецкой и мировой истории цивилизационный надлом в годы нацистского режима, рефлексируя критически путь Германии в эпоху модерна, или, сублимируя вышесказанное, объяснить *политическое через социальное*. Речь шла о выявлении на основе сравнительного анализа глубинных причин и условий структурного характера, присущих немецкой нации, что наглядно продемонстрировал Х.-У. Велер в своем монументальном пятитомном труде по истории немецкого общества XVIII–XX вв. [7]. Такого рода научный поиск с опорой на эмпирические методы предполагал осмысление на метауровне.

Школа осознанно претендовала на роль творца новой парадигмы в научно-историческом пространстве ФРГ, абстрагируясь от историков-структуралистов прошлых лет. Интерес к предметно-ориентированным теориям проявлялся сквозь призму критической модификации с выходом на макроструктурный подход к изучению событий прошлого [6, S. 35]. Причем «модернизация»⁸ в широком смысле слова выдвигалась в ранг генеральной интерпретации истории с момента Американской и Французской революций XVIII в., заменив собой парадигму «прогресса», столь характерную для историзма. Она служила компаративному анализу и универсализирующему обобщению. В конечном счете, рациональные ожидания переводились в понятие «структура», за которыми признавалось автономное общественное бытие [1, S. 20; 8; 9]. С этой целью билефельдцы взяли на вооружение концепцию М. Вебера и теоретическое наследие неортодоксального марксизма с его идеей о роли экономического фактора в историческом процессе как первоосновы социальных процессов и политических интересов.

Концептуальное влияние БШ на историческую науку Германии оказалось весьма велико. Многие социально-теоретические проблемы, озвученные «билефельдцами», нашли живой отклик в смежных гуманитарных дисциплинах, подогревая градус давней дискуссии о целесообразности теории исторического знания и стимулируя разработку «теории истории» в русле критического переосмысления прошлого [10–13]. На отдельных исследовательских полях школе удалось заполнить терминологический вакуум.

На публикационном поприще БШ вела себя столь же активно и (само)уверенно, презентуя и «тиражируя» собственные идеи на страницах многочисленных изданий исторического и методологического профиля. Так, в рамках серии «Критические исследования в области исторической науки» выходили монографии и диссертации молодых ученых школы, а журнал «История и общество» завоевал широкое международное признание. Едва ли находилась тема, выпадавшая из поля зрения «билефельдцев», даже при наличии скудной источниковой базы. Благодаря их усилиям в обобщающих трудах и учебной литературе все явственнее прослеживался социально-исторический аспект. Ощутимый импульс к развитию получила сравнительная история [5, S. 26].

⁸ Теория модернизации была представлена школой Билефельда как способ трансформации «традиционной» немецкой истории, то есть национальной политической истории, в интегрированную и сравнительную историю немецкого общества, охватывающую социальные структуры.

В 1980-е гг. влияние социально-экономических трактовок начало ослабевать, тогда как внимание к истории культуры – в попытках разобраться в степени ее социальной обусловленности – многократно усилилось. Исследователей привлекала внутренняя сторона человеческой жизни – мысли, чувства, менталитет, образцы поведения, опыт, язык, гендер [5, S. 28]. На этом фоне структурная социальная история утратила передовые рубежи, а социокультурные исторические темы оказались более востребованными, нежели социально-экономические. Теоретик БШ Юрген Кокка вынужден был признать, что общереформистские импульсы 1960-х – 1970-х гг. ускорили поворот исторической науки к теории, но в то же время свели концентрацию внимания до уровня частных проблем [6, S. 16].

По мере выделения социальной истории в самостоятельную область знания, работы «билефельдцев», основанные на структурно-историческом подходе, все чаще подвергались критике коллег по цеху. Теперь микроистория призвана была противостоять академической социальной истории с ее якобы «холодным взглядом» и научно-теоретической ориентацией [14, S. 22]. Речь шла о новом поколении ученых, находившихся под влиянием «культурного поворота» в историописании. Оппоненты школы отвергали концепцию «особого пути» Германии как ошибочную, отмечали узость теории «социального империализма», делали акцент на игнорировании «билефельдцами» культуры в истории общества, на сведении политики к обществу, а индивидов к структурам, наконец, на недостаточном внимании к процессу зарождения структур. В свою очередь, Г.-У. Велер, признавая наличие пробелов в исследованиях БШ, указывал на слабую теоретическую подготовку специалистов новых историографических направлений, их умение предлагать интересные темы при неумении синтезировать. В конечном счете, полагал он, все зависит от того, соблюдены ли необходимые критерии исследовательской деятельности: убедительность познавательного интереса, теоретическая компетентность, точность аналитической структуры, внимание к методам, сила интерпретации, устойчивость эмпирической базы» [15, S. 10].

При всех нюансах вполне оправданной критики следует признать неоспоримый вклад «билефельдской школы» в модернизацию и развитие (западно)германской и европейской исторической науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Hitzer, B., Welskopp, Th. Einleitung der Herausgeber: Die „Bielefelder Schule“ der westdeutschen Sozialgeschichte / B. Hitzer, Th. Welskopp // Die Bielefelder Sozialgeschichte: Klassische Texte zu einem geschichtswissenschaftlichen Programm und seinen Kontroversen. – 1. Aufl.; B. Hitzer (Hg.), Th. Welskopp (Hg.). – Bielefeld: Transcript-Verl., 2010. – S. 13–32.
2. Патрушев, А.И. Х.-У. Велер и немецкая социально-научная история / А.И. Патрушев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 149–159.
3. Турыгин, А. А. Билефельдская школа и проблема преемственности в немецкой историографии / А. А. Турыгин // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 42. – С. 68–79.
4. Kocka, J. Nachruf auf Hans-Ulrich Wehler : Erkenntnis und Engagement [Electronic resource] / J. Kocka // Tagesspiegel. – Mode of access: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/erkenntnis-und-engagement-3572281.html>. – Date of access: 10.02.2023.
5. Kocka, J. Sozialgeschichte gestern und heute / J. Kocka // Paradigmen deutscher Geschichtswissenschaft: Ringvorlesung an der Humboldt-Universität zu Berlin ; S. Kowalczyk (Hrsg.). – Berlin: Debatte, 1994. – S. 15–31.

6. Kocka, J. Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte: Vorschläge zur historischen Schichtungsanalyse / J. Kocka // Geschichte und Gesellschaft : Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. – 1975. – 1. Jg., H. 1. – S. 9–42.
7. Wehler, H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte : 5 Bde. / H.-U. Wehler. – München : C.H. Beck, 1987–2008.
8. Wehler, H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte / H.-U. Wehler. – Göttingen : Kleine Vandenhoeck-Reihe, 1975. – 85 S.
9. Wehler, H.-U. Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung: Studien zu Aufgaben und Traditionen deutscher Geschichtswissenschaft / H.-U. Wehler. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. – 409 S.
10. Rüsen, J. Für eine erneuerte Historik : Studien zur Theorie der Geschichtswissenschaft / J. Rüsen. – Stuttgart [u.a.] : Friedrich Frommann, 1976. – 251 S.
11. Koselleck, R. Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft / R. Koselleck // Theorieprobleme der Geschichtswissenschaft und Praxis des Geschichtsunterrichts; W. Conze (Hg.). – Stuttgart : Klett, 1972, S. 10–28.
12. Jordheim, H. Natural Histories for the Anthropocene : Koselleck's Theories and the Possibility of a History of Lifetimes // History & Theory. – 2022. – Vol. 61, No. 3. – P. 391–425.
13. Lorenz, Ch. Wozu noch Theorie der Geschichte? Über das ambivalente Verhältnis zwischen Gesellschaftsgeschichte und Modernisierungstheorie // Wozu Geschichte(n)? : Geschichtswissenschaft und Geschichtsphilosophie im Widerstreit ; Hrsgg. von V. Depkat, M. Müller u. A. Urs Sommer. – S. 117–143.
14. Kocka, J. Sozialgeschichte in Deutschland seit 1945: Aufstieg, Krise, Perspektiven / J. Kocka. – Bonn : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2002. – 37 S.
15. Wehler, H.-U. Die Herausforderung der Kulturgeschichte / H.-U. Wehler. – München : Achims Verl., 1998. – 160 S.

УДК 94(476)

**ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1772–1856 ГГ.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОБЗОР ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

И.Н. Третьян,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории Беларуси
и славянских народов, БГПУ
Беларусь, г. Минск

Аннотация: В статье анализируется историография проблемы эволюции системы местных органов государственной власти на территории Беларуси в 1772–1856 гг. в дореволюционный период. Показано, что проблема создания и функционирования местных органов государственной власти на территории Беларуси с 1772 по 1856 г. получила определенное отражение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако история функционирования местных органов государственной власти на территории Беларуси, а также их кадровый состав в конце XVIII – первой половине XIX в. не являлись объектом специального исследования.